

АВТОБИОГРАФИЯ В.Н. БЕНЕШЕВИЧА¹

Я родился 9/21 августа 1874 г. в Друе Виленск(ой) губ(ернии), Дисненск(ого) уезда; отец мой – служащий, умер в 1909 г. в должности судебного пристава окружного суда. В 1893 г. я окончил с золотой медалью Виленскую I гимназию; 1897 г. – Юридический факультет СП(етер)б(ургского) университета, осенью 1897 г. поехал за границу на средства, данные мне в долг моим приятелем доктором В.В. Гомолицким, который сильно поддерживал меня и впоследствии, вместе с моим младшим братом, который стал горным инженером. Пришлось мне пробыть за границей три года, до 1900 г.; в Лейпцигском университете я слушал В. Вундта по философии, Р. Зома по истории права, К. Биндинга по государственному праву, и др(угих); в Берлине О. Гирке и Г. Бруннера по истории герм(анского) права, А. Гарнака по истории догматов и первобытного христианства и др(угих); в Гейдельберге меня увлекли лекции по истории права (Рих. Шредера, О. Карловы, Г. Еллинека), истории философии (Куно Фишера), истории и др(угие) предметы. В 1898 г., приехав на вакации в СП(етер)б(ург), я обратился к профессору церк(овного) права в СП(етер)б(ургском) университете М.И. Горчакову с просьбой оставить меня на его кафедре. Этот шаг был вызван давнишним интересом к вопросам церк(овного) устройства и к существу церкви под влиянием Л.Н. Толстого и впечатлений от пребывания моего в качестве старосты гимназической церкви, а в СП(етер)б(ургском) университете от изучения церковного права я получил впечатление, что это – область науки, совершенно неразработанная в отношении греч(еской) и русск(ой) церковей и требующая как раз знания языков и истории, к чему я еще в гимназии особенно тяготел. С осени 1899 г. мне была назначена стипендия по 600 рублей в год, которую я и получал 2 1/2 года, т.е. до конца 1901 г.

Вернувшись из-за границы в 1900 г., я занялся изучением Кормчей книги по рукописи Публичной библиотеки 1284 г. и увидел, что необходимо поехать за границу для изучения хранящихся там греческих рукописей юридического содержания, кроме тех, которые были в Публичной библиотеке. При содействии Академии наук, где мне помогли акад. А.А. Шахматов и П.В. Никитин, начались поездки мои с указанной целью каждое лето в 1901–1908, 1911, 1912 гг., во время которых я изучал греческие, славянские, грузинские рукописи в библиотеках Берлина, Лейпцига, Мюнхена, Йены, Парижа, Милана, Флоренции, Венеции, Рима, Неаполя, Афин, Афона, Солуни, Константинополя, Смирны, Иерусалима, Патмоса, Синая, Александрии, Каира и, конечно, Москвы.

Во время этих поездок определился весь ход работы на всю мою жизнь, так как материал был собран громадный, и наметились не только основные мысли будущих работ, но и способы их осуществления, а самое главное, выяснилась увлекательность работы и в греческой части, и в славянской. Кроме того, завязаны были научные сношения с рядом молодых и старых ученых; из последних назову знаменитых И.В. Ягича в Вене, К. Крумбаха в

¹ ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 184. Л. 23–32. Ксерокопия с машинописи.

Мюнхене, А. Момферрата в Афинах, Эд. Шварца в Страсбурге, ныне в Мюнхене и Г. Омон в Париже (член Франц(узской) Акад(емии) наук); из более молодых Г. Миллэ (ныне член Франц(узской) АН), Дж. Меркати (ныне кардинал и библиотекарь Ватикана).

Результатом работы были магистерская и докторская диссертации, посвященные исследованию двух первостепенной важности юридических сборников в 14 титулов и в 50 титт. и длинный ряд разного объема статей.

Один учебный год, 1904–1905 (или 1903–1904?) г. я читал церковное право в Имп. Александр(овском) лицее, но был изгнан директором Лицея Л.П. Соломоном за вольномыслие. После защиты в 1905 г. магистерской диссертации по юридич(ескому) факультету СПб Университета я был приглашен на ист(орико)-филологич(еский) факультет в качестве прив(ат)-доцента и читал греческую палеографию и отдельные курсы по истории Византии.

В 1905 г. принимал деятельное участие в собраниях магистрантов, где особенно видную роль играл В.Л. Комаров, ныне президент Акад(емии) наук СССР.

Вышедшая в 1905 г. моя книга “Канон(ический) сборник 14 титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-вост. церкви” вызвала большой интерес к себе только в 1911 г., когда один из самых выдающихся исследователей древнейшей истории греко-вост(очной) церкви Эд. Шварц убедился, что изданная им в 1910 г. работа не имеет ценности из-за незнания его с моей книгой; отсюда завязалась у нас переписка и дружба. Шварц всячески побуждал меня не медлить с выпуском исследования и о сборнике 50 тит(улов) и ставит на вид возможность издания в Германии обоих сборников, а для начала хотя бы только древнейшего – в 50 тит(улах) – целиком в публикациях вновь возникшей в Страсбурге Акад(емии) наук (членом ее я был избран в 1912 г.).

Об издании обоих сборников я уже завел разговор до 1911 г. в нашей Акад(емии) наук, но мои попытки оказались тщетными, так как Отд(еление) Русск(ого) яз(ыка) и слов(есности) в 1911 г. кончило издание I тома моего труда “Древнеславянская Кормчая в 14 тит(улах) без толкований” (т(ак) наз(ываемая) Ефремовская Кормчая) и затруднялось взять на себя сразу другое большое издание, а в Ист(орико)-Фил. отд(елении) вопрос наталкивался на сопротивление акад. К.Г. Залемана и еще кого-то, а вернее, оставался без движения из-за инертности акад П.В. Никитина. Поэтому, выяснив безнадёжность своих хлопот в России, я обещал сделать издание в Страсбурге и приступил к исследованию сборника в 50 тит(улах), которое вышло в свет в 1914 г. под заглавием “Синагога в 50 тит(улах) и другие юридические сборники Иоанна Схоластика”. Немедленно же Страсбургская Акад(емия) н(аук) взяла на себя расходы по изготовлению необходимых для издания труда Схоластика снимков с рукописей, и предполагалось с 1915 или 1916 г. начать печатание сборника в 50 тит(улах). А я начал подготовку текста и одновременно начал составлять общий обзор всех греческих рукописей юридического содержания в библиотеках всего мира, так как у меня было уже описание 49 библиотек и большое количество снимков и выписок. Подобный обзор имел бы первостепенное значение для всей исследовательской работы по истории византийского права и позволил бы перевести ее на совсем новые рельсы.

Мировая война заставила отложить все большие работы на будущее мирное время и сосредоточиться на преподавательской работе в СПб(ургском) университете по юридическому факультету, где я с 1909 г., после смерти проф. М.И. Горчакова занял кафедру церковного права, и на Высш(их) Женск(их) Курсах, где я с 1909 г. читал тот же предмет. Кстати будет вспомнить, что с 1907 по 1909 г. я состоял профессором церковного права в Сп(етер)б(ургской) Духовной академии, но ревизором от Св(ятейшего) Синода не то архиеп. Антонием (Храповицким), не то архиеп. Дмитрием (Ковальницким) по настоянию ректора архим. Феофана был устранен за вольномыслие, под предлогом того, что женился на католичке. Еще в 1909 г. я был приглашен на кафедру церк(овного) права в Военно-юридическую академию и преподавал, кажется, до 1911 г., когда начальником ее был назначен генерал М.М. Бородин: он уволил меня за свободомыслие.

Во время революции я все время продолжал работу без перерыва, оставаясь в университете, где читал уже не церковное право, а историю греко-римск(ого) права. В 1917–1918 гг. был членом Московского церк(овного) собора и помощником секретаря на нем, причем на мне лежало ведение и печатание журналов заседаний собора; под моей редакцией вышло несколько томов.

В 1922 г. я был привлечен к процессу церковников по делу о сокрытии церковных ценностей и военно-революционным трибуналом оправдан безусловно.

В 1922–1928 гг. работа моя проходила в общении с акад. Ф.И. Успенским, сначала в качестве члена Комиссии А(кадемии) н(аук) “Константин Порфирородный”, потом товарищем председателя той же Комиссии, расширенной в “Русско-византийскую историко-словарную комиссию”, и, наконец, ученым секретарем ее же.

В 1927 г. я был командирован на три месяца за границу и работал в Берлине, Лейпциге, Мюнхене, Париже и Риме. Целью поездки было отыскание материалов для анализа “Греческого глоссария” Дюканжа, поиски следов оригинала издания Записки готского топарха и обследование работы установок П. Кегеля для фотографирования палимпсестов, ввиду желания Гос. Публ(ичной) библиотеки принять меры для фотографирования своих палимпсестов. Результаты командировки были очень удачны, но краткость времени не позволила довести все намерения до конца; особенно жаль, что не было возможности закончить планомерные поиски Записки готского топарха. Богатые материалы о “Глоссарии” Дюканжа и произведенный уже анализ его дали возможность приступить к составлению большого труда о нем, приурочивавшегося мною к 250-летию в 1938 г. появления “Глоссария” и смерти Дюканжа. Осенью 1925 г. я был избран в члены-корреспонденты Академии наук СССР, в 1928 г. была выставлена моя кандидатура для избрания в академики АН СССР (в 1912 г. я был избран почетным доктором прав Афинского университета, в 1927 г. – членом-корреспондентом Баварской Академии наук, а в 1929 г. – член-корр. Берлинской Академии наук).

Но в 1928 г. 10 сентября умер Ф.И. Успенский, а 25 ноября я был неожиданно арестован органами ОГПУ по обвинению в работе над унией православной церкви с Римом и сослан на три года на Соловки, а в 1930 г. 28 февраля привезен в Ленинград, обвинен в желании быть министром исповеданий в кабинете академика С.Ф. Платонова и затем сослан на Ухту, откуда

вернулся в Ленинград 13 марта 1933 г. Ни в чем преступном я и не был виноват и не способен был совершить преступление против моей родины. Даже эта вопиющая несправедливость ни на миг не поколебала моей неизменной готовности всеми силами служить на пользу и славу и науки. Горько видеть, что действиями ОГПУ нанесен непоправимый вред моей работе: пропали мои описания греческих рукописей 46 библиотек и более 2000 фотоконфигураций, разорена моя специально подобранная хорошая библиотека, погибли материалы для многих работ и почти готовые работы, от квартиры осталась одна комната, в которой я живу с женой и двумя сыновьями, научными работниками, в тяжелой для научной работы обстановке коммунальной квартиры.

По возвращении в Ленинград в 1933 г. я возобновил работу по подготовке к изданию текста сборника в 50 томов (улах) и, проработав всецело над ним с величайшей усидчивостью больше года, смог начать набор текста в 1934 г. в декабре; в настоящее время уже все листы (35) подписаны к печати, и книга (I том) выйдет и марте в свет. Таким образом, хотя часть моей 35-летней трудной, сложной и ответственной работы увидит свет. Очень мне жаль, что она появляется не в СССР, но нужно считать громадным успехом советского ученого то, что сила его научной заслуги спокойно признана одним из авторитетнейших научных учреждений Европы, и на долгое время издание советского ученого будет играть руководящую роль для исследования кардинальных вопросов как истории средневековья, так и современной жизни. Конечно, очень хочу и мечтаю о том, чтобы имеющиеся у меня планы еще более важных трудов были осуществлены в СССР.

С осени 1934 г. я приглашен на работу в Ленинградском Государственном университете по истории Византии на Историческом факультете и в ГПБ главным библиотекарем по рукописному отделению на штатное место на полставки. С февраля 1937 г. приступил к чтению факультативного курса "Византия при Македонской династии"; в ГПБ готовлю описание греческих рукописей.

О состоянии моего здоровья точные сведения может дать КСУ, где я состою на особом учете и пользуюсь тщательной медицинской помощью. Сам могу сказать, что переживания пяти лет тюрьмы (около 1½ лет одиночного заключения) и ссылки сильно отразились на моем здоровье, но не ослабили моей научной энергии.

Мои научные интересы сосредотачиваются в следующих главных направлениях:

- 1) Народы СССР в византийских памятниках.
- 2) Византия в отношении к южным славянам и Древней Руси.
- 3) История источников византийского права.
- 4) История источников древне-русского права.
- 5) История византиноведения в России.

Для работы по этим вопросам у меня были собраны громадные материалы, из которых осталось еще, к счастью, столько, что хватило бы для работы целого Института. Если удастся создать сколько-нибудь сносные квартирные условия для работы, в частности – перевезти к себе остатки моей библиотеки и материалов, хранящихся в Библиотеке Академии наук, то я смогу еще принести пользу для развития византийских исследований в СССР.

У меня два сына близнеца, родившиеся в 1911 г. 23 дек. Георгий окончил в 1936 г. почв(енно)-географ(ический) факультет ЛГУ и состоит научным сотрудником Радиового Института НКП в Л(енин)гр(аде), совершил двухгодичную экспедицию на Крайний Север. Дмитрий учится на 2-м курсе Физического факультета ЛГУ и состоит научным сотрудником в лаборатории эксперим(ентальной) физики Л(енин)гр(адского) Индустр(иального) Института и в Научно-исслед(овательском) Институте радиоприема и акустики, выпустил в свет несколько печатных работ.

Жена моя в настоящее время только домашняя хозяйка, но она окончила Высшие курсы Библиотековедения при ГПБ и несколько лет работала в Доме Плеханова и в Ботанич. Саду (в 1929–1930 гг.). В 1930 г. была арестована как свидетельница против меня, отпущена на свободу и в 1931 г. без всякого основания отправлена в ссылку на 5 лет с конфискацией имущества, но в 1934 г. возвращена из ссылки и ездила за границу на 4 месяца для свидания с отцом, которому уже 76 лет.

Единственный родственник, близкий мне остался у меня мой брат Дмитрий Николаевич, горный инженер, в настоящее время директор Института металлов в Днепропетровске; он был арестован в 1930 г. без всякого основания и в 1932 г. освобожден без всяких последствий.

Никто из родственников и я сам в войсках и учреждениях белых правительств не служил.

Жена моя Людмила Фаддеевна – дочь проф. Фаддея Францевича Зелинского, уехавшего по оптации в 1922 г. в Польшу, где он состоит заслуженным профессором Варшавского Университета, членом Польской Академии наук и пользуется всеобщим уважением, как краса и гордость польской науки и литературы. Оба мы поддерживаем письменные сношения с ним*.

Проф. В. Бенешевич

* Публикация Я.Н. Щапова.